

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: lbova@archaeology.nsc.ru

² Музей Бурятского научного центра СО РАН
ул. Сахьяновой, 8, Улан-Удэ, 670047, Россия
E-mail: dashievna@yandex.ru

ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА РАННЕГО НЕОЛИТА ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ*

Публикация представляет характеристики погребального обряда, выделенные на основании формализованного анализа наиболее древней серии неолитических погребений Западного Забайкалья (в пределах 8–6 тыс. л. н.). Предпринята попытка корреляционных построений с одновременными или близкими по характеру обрядности погребальными комплексами как сопредельных территорий Прибайкалья, Восточного Забайкалья, Северной Монголии, так и более отдаленных территорий Восточной и Западной Сибири. К наиболее характерным признакам погребального обряда раннего неолита отнесены отсутствие внутри- и надмогильных конструкций, неустойчивость ориентировки и позы погребенного, коллективные или парные захоронения, особое отношение к черепу и «чужим костям», обязательная засыпка охрой зоны головы и таза, устойчивость состава погребального инвентаря.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, Байкальский регион, ранний неолит, погребальный обряд, инвентарный комплекс, радиоуглеродное датирование.

Разработка основных позиций историко-культурной концепции системы мировоззрения древнейших охотников, собирателей и рыболовов в Байкальском регионе имеет особый смысл для понимания истоков и генезиса ранних культов, религиозно-космогонических представлений, интерпретации предметов (символов) и сюжетов творчества палеолита и неолита. Актуальность проблемы, кроме того, определяется целесообразностью и возможностью анализа имеющейся источниковой базы для разработки подходов к решению комплекса культурно-исторических проблем, связанных с появлением и формированием архетипов первобытной культуры в Байкальском регионе. В настоящей публикации нами предпринята попытка анализа наиболее древней группы погребений, определяемых большинством авторов как раннеолитические. Особую группу образуют погребения Фофановского могильника, могильников Бухусан, Старый Витим-2 и серия одиночных погребений, обнаруженных, в том числе и в структуре поселений. К характерным признакам по-

гребального обряда раннеолитических (китойских) комплексов в Забайкалье отнесены:

- отсутствие надмогильных или внутримогильных конструкций;
- неустойчивость ориентации погребенных (головой на север, восток, юго-восток, северо-восток);
- положение костяков вытянутое на спине, на спине с подогнутыми ногами, скорченное на боку;
- наличие коллективных и парных захоронений, в том числе и антитезных;
- погребение костяков без черепа или захоронение черепа отдельно, или погребение с дополнительным черепом, или «чужие кости»;
- обязательная засыпка охрой зоны головы, таза;
- присутствие в погребальном инвентаре резцов марала, тарбагана, кабарги, кабан, кальцитовых, мраморных или перламутровых колец, вкладышевых орудий, изделий из костей оленя (лося), косули, наборов микропластин, в том числе ретуширован-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 07-01-00417а, 09-01-00368а), Программы РАН «Духовное наследие России» (проект 1.1.7).

ных, проколов, скребков. Практически во всех случаях отсутствует керамика; кроме того, шлифованные топоры и тесла в датированных погребениях отмечены в одном случае.

Обобщение накопленных к настоящему моменту разобренных сведений и данных по ранним погребальным комплексам Забайкалья и Монголии (8–6 тыс. л. н.), их формализованный анализ и наличие серий радиоуглеродных датировок (см. табл. ниже) для могильников и отдельных погребений определяют предлагаемые корреляционные построения.

Рассмотрим феномен забайкальских ранних погребальных комплексов в региональном культурно-историческом контексте. Все погребения, отнесенные к раннему периоду, характеризуются как грунтовые, с заложением овальной ямы на глубину до 80 см от уровня древней поверхности. Внутримогильные или надмогильные сооружения, конструкции или дополнительные элементы практически отсутствуют. Исключение составляют Фофановское погребение № 5 (1959 г.) со следами от деревянного столба [Герасимов, Черных, 1975. С. 26], Бухусанское погребение № 21 с кладкой [Ивашина, 1979. С. 95] и погребение на местонахождении Нижняя Джиллинда с кладкой и внутримогильными сооружениями из плит [Ветров и др., 1993. С. 106].

В ранненеолитических погребениях Фофановского могильника преобладает ориентировка умерших головой на Ю-В (24 погребения из 100), но в погребениях № 7 (1988 г.) и 16 (1996 г.) наблюдается ориентировка на СЗ. Северо-восточная ориентировка фиксируется в погребении № 10 (1996 г.) Фофановского могильника [Лбова и др., 2008. С. 201–202]. В одиночных погребениях раннего неолита на исследуемой территории доминирует ориентировка погребенных по линии С-Ю [Там же. С. 221]. В трех из десяти погребений могильника Старый Витим-2 зафиксирована ориентировка оси могильной ямы на СВ-ЮЗ / ЮЗ-СВ [Там же. С. 206]. В целом, достаточно высок процент погребений с неустановленной ориентировкой.

Для погребений раннего неолита Забайкалья характерно положение костяков вытянутое на спине, на спине с подогнутыми ногами, скорченное на боку. Положение на спине с подогнутыми ногами наблюдается в

20 % случаев Фофановского могильника, в 15 % одиночных погребений Забайкалья; в 11,3 % фиксируется скорченное положение костяков.

По количеству погребенных людей в забайкальских материалах выделяются одиночные погребения (Ключево, Верхний Мангиртуй, Петропавловка, Бухусан-20, 21), парные погребения (Старый Заган, Новая Шишковка, погребения № 12 и 15 (1948 г.) Фофановского могильника) и коллективные погребения (№ 7, 38 (1959 г.) и 11 (1991 г.) Фофановского могильника) [Герасимов, Черных, 1975. С. 28, 45; Конев, 1996. С. 114–116] (рис. 1).

Следует отметить, что парные и коллективные погребения, в том числе антитезные, характерны для раннего неолита Приангарья и Прибайкалья: могильники Локомотив, Хотурук, Усть-Белая, Китойский могильник, Шумилиха [Базалийский, 1998. С. 13; Bazaliysky, Saveljev, 2003. Р. 23–25; Георгиевская, 1989. С. 72; Горюнова, 2002. С. 12]. Парные погребения встречаются в более поздний период в серовских и позднеглазовских погребениях могильника Улярба [Горюнова и др., 2004. С. 34–35, 75].

Об особом отношении к голове (черепу? волосам? верхней части туловища?) свидетельствуют 4,5 % обезглавленных погребений Фофановского могильника: погребения № 19, 22 (1948 г.); 7 (1959 г.), 12 (рис. 2), 7 (1988–1996 гг.). Этим особенным признаком, наличием «чужого» черепа, выделяется ранненеолитическое погребение того же могильника, раскопанное нами в 2007 г. (радиоуглеродная дата по кости – $6\,800 \pm 180$ лет (СО АН-7183) [Жамбалтарова, 2008] (рис. 3). На сегодня такой случай является единственным для данного некрополя.

Фофановские погребения без черепа находят аналогии с китойским погребением № 3 (1977 г.) могильника Шумилиха [Горюнова, 2002. С. 12]. В. И. Базалийский считает, что в период неолита на территории Байкальской Сибири в погребальном обряде прослеживается культ, связанный с головой [Базалийский, 1998. С. 14]. В 26 проанализированных им неолитических могильниках, расположенных на берегах рек Ангары, Лены, Витима, Селенги и оз. Байкал, отмечены костяки без черепов: в 29 погребениях могильника Локомотив, в 4 погребениях Китойского могильника; один костяк без черепа

Таблица 1

Результаты радиоуглеродного датирования погребений Забайкалья

№ погребения	Дата (л. н.)	Лабораторный код	Калиброванный возраст (л. до н. э.)	Источник
Бухусан, 20	6 430 ± 100	ГИН 4410	5 280	Мамонова, Сулер- жицкий, 1989. С. 23–24.
Бухусан, 21	6 650 ± 90	ГИН 4411	5 500	
Фофаново, раскоп 4, уступ 3, 5	6 350 ± 50	ГИН 4128	5 220	
Фофаново, 5 *	6 640 ± 140	ГИН 4470	5 490	
Фофаново, 6 *	6 670 ± 100	ГИН 4472	5 520	
Фофаново, 2 *	6 720 ± 70	ГИН 4127	5 570	
Фофаново, 7 – 7 * (образец 1)	6 450 ± 50	ГИН 4131	5 300	
Фофаново, 7 – 7 * (образец 2)	6 780 ± 110	ГИН 4478	5 630	
Фофаново, 7 – 3 *	6 780 ± 120	ГИН 4471	5 630	
Фофаново, 7 – 1 *	6 830 ± 60	ГИН 4476	5 680	
Фофаново, 7 – 6 *	7 000 ± 60	ГИН 4130	5 850	
Фофаново, 7 – 5 *	7 040 ± 100	ГИН 4129	5 890	
Фофаново, 7 – 4 *	7 610 ± 210	ГИН 4477	6 460	
Фофаново, 11 **	6 600 ± 100			Конев, 1996. С. 116.
Фофаново, 12 ** (кость взрослого)	6 670 ± 120	СО АН-6508		Опубликовано впервые
Фофаново, 13 **	6 650 ± 130	СО АН-6827	5 673–5 479	Опубликовано впервые
Фофаново, 14 **	6 980 ± 140	СО АН-6509		Опубликовано впервые
Фофаново, 17 **	6 760 ± 140	СО АН-6828	5 784–5 536	Опубликовано впервые
Фофаново ***	6 800 ± 180	СО АН-7183	5 879–5 558	Жамбалтарова, 2008.
Нижняя Джилинда	7 230 ± 40	ГИН 4051	6 080	Мамонова, Сулер- жицкий, 1989. С. 24.
Ключево, к. 188	7 490 ± 120	ГИН 4046	6 340	
Старый Витим-2, 4	6 415 ± 79			Ветров, 2001.
Старый Витим-2, 3	6 500 ± 60			
Старый Витим-2, 2	7 280 ± 65			
Верхний Мангиртуй	7 590 ± 150	СО РАН-5494		Лбова, Жамбалта- рова, 2004. С. 201.
Верхний Мангиртуй	6 760 ± 70	АА 60265		
Петропавловка	6 090 ± 100	СО РАН-5701		Лбова, Жамбалта- рова, Конев, 2008. С. 222.
Усть-Менза 5	6 940 ± 160	ГИН 5000		Константинов, 1994. С. 158.
Мельничное	7 480 ± 180	ГИН 4997		Черепанов, Остро- умов, 1986. С. 83–86.

Примечание: материалы раскопок * – 1959 г.; ** – 1996 г.; *** – 2007 г.

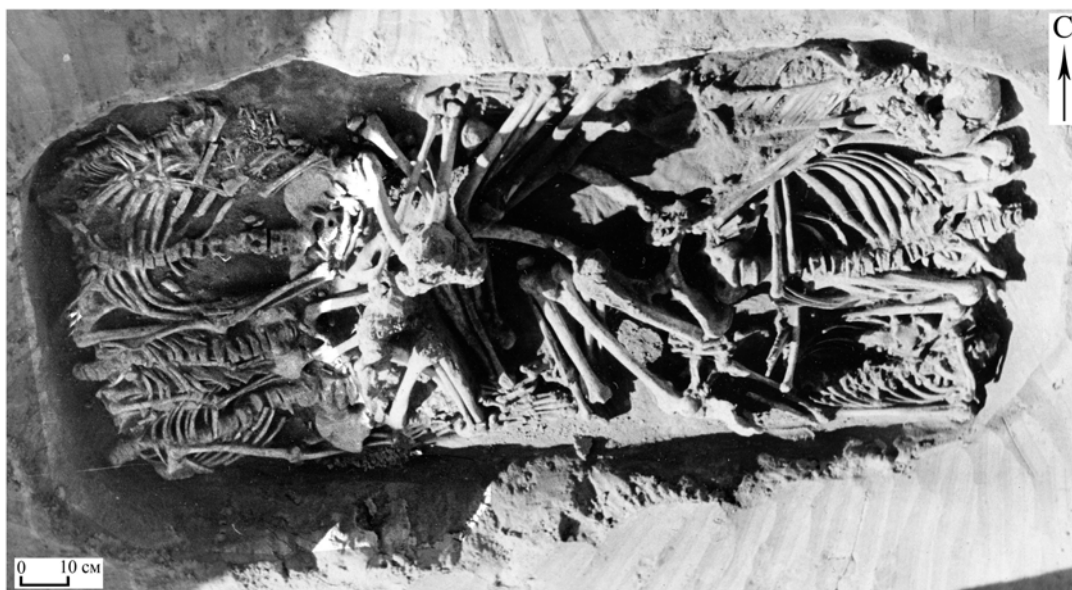

Рис. 1 (фото). Погребение № 7 Фофановского могильника (1959 г.) (архив Е. Н. Черных)

зафиксирован в парном погребении в местности Калашиха; в 4-х погребениях могильника Усть-Белая, в 1 погребении могильника Турука [Там же. С. 13]. На могильнике Шаманка II в коллективном погребении № 15 череп погребенной женщины был помещен на ее груди [Bazaliyskiy, 2003. Р. 143]. В серовских погребениях Приольхонья погребения без черепа отмечены единично [Горюнова, 1997. С. 87]. На могильнике Локомотив обнаружено уникальное погребение тундрового волка (*Canis lupus albus*) с черепом человека (по костям волка получена

дата 7 230 л. н., по костям человека – 7 750 л. н.) [Bazaliisky, Saveljev, 2003. Р. 27–28].

Интересно, что в восточно-забайкальских неолитических погребениях обезглавленных костяков и наличия «чужих» черепов пока не зафиксировано. Следует упомянуть о восточно-забайкальском погребении на поселении Доронинское-3 (развитой неолит): под очагом № 1 в овальной могильной яме (48–62 см) в 3–4 см от поверхности были обнаружены фрагменты черепа и зубы человека, однако контекст находки не вполне ясен [Дятчина, 2003. С. 92].

Захоронение отдельных частей тела («чужие кости» в погребениях) является характерным признаком погребальных комплексов от раннего неолита до раннего бронзового века. Присутствие отдельных частей тела наблюдается в 30 % погребений Фофановского могильника [Лбова и др., 2008. С. 29–67]. Подобный признак встречается также в 6 одиночных погребениях Забайкалья. Фрагменты черепа человека были найдены в погребении в структуре поселения Доронинская-3 [Кириллов, Рижский, 1973. С. 64–65], в погребении неподалеку от д. Острог [Лбова, Хамзина, 1999. С. 145]. В погребении 1 поселения Усть-Менза 3 зафиксирован фрагмент диафиза бедренной кости человека [Константинов и др., 2003]. Вторичный характер носят погребение местонахождения Нижняя Джиллинда [Ветров и др., 1993. С. 106], погребение у с. Канда-

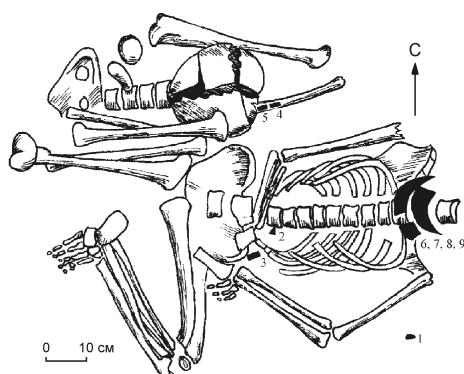

Рис. 2. План погребения № 12 Фофановского могильника (1996 г.): 1 – графит; 2 – наконечники стрел; 3–5 – микропластины; 6–9 – фрагменты украшения из расщепленного клыка кабана (полевая документация, архив В. П. Конева)

баево [Константинов, 1994. С. 159], погребение 2 поселения Усть-Менза-3 [Константинов и др., 2003]. «Чужие» человеческие кости встречаются в некоторых погребениях Усть-Бельского могильника и могильника Локомотив, погребении № 6 могильника Шаманка II [Базалийский, 1998. С. 14; Туркин, Харинский, 2004. С. 137].

Парциальные (частичные, неполные) погребения также характерны для западно-сибирских погребальных комплексов: неполные погребения обнаружены в неолитическом могильнике Протока, в комплексе погребений неолита и эпохи ранней бронзы могильника Сопка-2 Барабинской лесостепи [Полосьмак и др., 1989; Молодин, 2001. С. 15, 23]. На Алтае факты соблюдения обрядов расчленения усопших фиксируются по материалам погребений могильника Большой Мыс и Солонцы-5 [Молодин, 1999. С. 36–57; Кирюшин и др., 2000. С. 35–37; Кунгурова, 2005. С. 28–29].

Сидячее положение погребенных не является характерным признаком для погребального обряда раннего – среднего неолита Западного Забайкалья и представлено единично (Петропавловка, Клочнево). В восточно-забайкальских погребениях костяки в сидячем положении отмечены дважды – погребение 3 могильника 2 оз. Ножий [Окладников, Кириллов, 1980. С. 117]; в полусидячем положении – погребение 2 Молодовского могильника [Кириллов, Верхотуров, 1985. С. 12–13]. Помещение покойных в сидячем положении, в скорченной позе известно в широком культурном и территориально-хронологическом контексте Северной Евразии [Хлобыстина, 1991. С. 32–38]. Захоронения погребенных в сидячей позе в Восточной Монголии определяются в пределах от позднего неолита до эпохи плиточных могил, преобладая в бронзовом веке [Окладников, Ларичев, 1968. С. 104–115; Волков, 1975. С. 76–77]. Подобный вариант погребального обряда довольно часто встречается в серовских и глазковских могильниках на побережье оз. Байкал, на территории Приангарья, Приольхонья и Верхней Лены: в основной группе погребений Шумилихи и Улярбы, Шидэ I, Улан-Хада IV погребения 5а и 3а, Пономарево 14, Ленковка 3 (1960 г.), Усть-Белая 2 (1957 г.), 1, 2, (1986 г.), Усть-Ида 19, Городище II, Обхой 13, Макрушино, Шаманка и др.

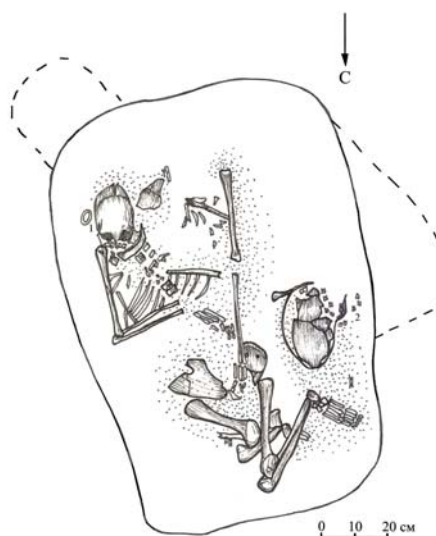

Рис. 3. План погребения (2007 г.) Фофановского могильника: 1 – кольцо из кальцита; 2 – «лишний» череп (полевая документация Е. Д. Жамбалтаровой)

[Окладников, 1974. С. 96, 141; Горюнова, 1975; Горюнова, Смотров, 1981. С. 17, 26; Горюнова, Хлобыстин, 1992. С. 55; Горбунова, Пшеницына, 1992. С. 65; Комарова, Шер, 1992. С. 36–37; Савельев и др., 1981. С. 9–16; Алтухов, 2001]. Подобное помещение умерших в сидячей позе часто отмечается в позднеандроновских комплексах Центрального Казахстана (конец II тыс. до н. э.) [Хлобыстина, 1991. С. 32–38].

Засыпка погребенного охрой – характерная черта обряда неолитических культур Байкальской Сибири, особенно китойских [Окладников, 1950. С. 407; Конопацкий, 1982. С. 37–45; Георгиевская, 1989. С. 64–70; Базалийский, 1998. С. 14; Горюнова, 2002. С. 18]. Около 60 % датированных погребений, отнесенных к раннему этапу неолита в Забайкалье, содержат этот элемент обрядности, кроме погребений северной группы (Старый Витим, Бухусан) (рис. 4) [Ветров, 2002; Ивашина, 1979]. При анализе погребений нами различается засыпка погребенного охрой в целом, засыпка отдельных зон и наличие охры в погребении в виде кусочков. Единично отмечено присутствие в качестве красящего вещества графита (погребение 12, 1996 г. Фофановского могильника) (см. рис. 2).

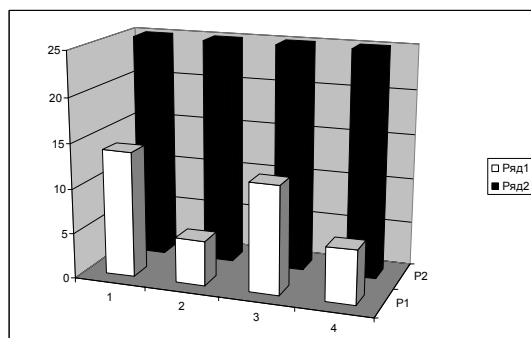

Рис. 4. Соотношение наиболее типичного инвентаря и засыпки охрой в датированных комплексах: 1 – присутствие охры; 2 – вкладышевые орудия; 3 – резцы животных; 4 – кольца из кварцита, мрамора, перламутра (ряд 1 – общее количество датированных погребений; ряд 2 – типичные показатели)

В. И. Базалийский зафиксировал присутствие охры в 96 % неолитических погребальных комплексов Байкальской Сибири (за 100 % им взято 26 местонахождений долин рек Ангары, Лены, Витима, Селенги и оз. Байкал) [Базалийский, 1998. С. 14]. Охра отмечена в 75 % восточно-забайкальских могильников 1 и 2 у оз. Ножий, Молодовского могильника и могильника Арын-Жалга, за исключением погребений могильника Арта.

В основном, погребения раннего неолита содержат сопроводительный инвентарь. Инвентарный комплекс большинства погребений раннего неолита характеризуют просверленные резцы марала кабарги, тарбагана (в фофановских погребениях, в погребении № 3 могильника Бухусан, в 8-ми одиночных погребениях Забайкалья), расщепленные клыки кабана и изделия из них, кости птиц, изделия из костей оленя и косули (Старый Заган, Верхний Мангиртуй, Петропавловка, погребения № 5, 8 (1959 г.), № 11 (1996 г.) Фофановского могильника). Каменный инвентарь характеризуют пластины и микропластины, отщепы, наконечники стрел, острия даурского типа, проколки, скребки (Верхний Мангиртуй, Нижняя Джилинда, Онкули, Жемчуг, Тулту-Дабан, Дунда-Киреть и др.). Отмечено присутствие целых составных орудий (острия, кинжалы, ножи) (Фофаново – погребения № 3, 7, 13 (1950 г.), погребение № 13 (1996 г.), Нижняя Джилинда, Кокуй, Бура, Баян, Петропавловка) (см. рис. 4). Находки тесел и топоров встречаются в погребениях Фофановского могильника, в погребениях № 6 и 10 Старо-

го Витима-2, в 8-ми одиночных погребениях – Петропавловка, Новая Шишковка и др. Однако, судя по датированным комплексам, шлифованные топоры и тесла не являются характерной находкой для раннего неолита (за редким исключением). Довольно много изделий из раковин речных моллюсков: бусы, кольца, пронизки (в 24-х фофановских погребениях, в 13-ти одиночных погребениях), а также целые раковины. Особую категорию составляют кольца из мрамора, кальцита и перламутра диаметром от 3–4 до 5–7 см, как правило, найденные в районе головы (Фофаново, погребение № 11 (1996 г.); погребение 2007 г.; Верхний Мангиртуй). Зооморфная скульптура в виде стилизованной удлинённой морды лося встречена единично (Фофаново, погребение 11, 1996 г.).

Характерной находкой для ранне-неолитических погребений являются гарпуны (могильники Локомотив, Китойский, Усть-Белая, Распутино, Шаманка II, Хоторук, Турука) [Базалийский, 1998. С. 15]. Следует отметить, что для ранних погребений неолита Забайкалья в целом гарпуны встречаются довольно редко. Из ранних забайкальских находок известен фрагмент гарпуна – в погребении Нижняя Джилинда [Ветров и др., 1993. С. 110]. Наиболее известные находки – 16 односторонних гарпунов, зафиксированных в погребении 3 могильника Бухусан, датированы автором раскопок концом неолитической эпохи [Ивашина, 1979. С. 75]. Двух- и четырехзубчатые гарпуны известны в составе инвентаря на могильнике Онкули (погребение 1), которое отнесено к раннему бронзовому веку на основании находок изделий из бронзы [Хамзина, 1974]. В Восточном Забайкалье известны находки односторонне-зубчатых гарпунов в районе Сретенска и в Шилкинской пещере; гарпуна-ножа, зафиксированного в погребении 1 Молодовского могильника.

Следует отметить, что и составные рыболовные крючки достаточно часто встречаются в погребениях раннего неолита на территории Приангарья, Байкала и Лены (в материалах могильников Локомотив, Суховская, Китойский, Калашиха, Усть-Белая, Усть-Ида, Распутино, Серовский, Шаманка II, Шишкино и Турука) [Базалийский, 1998. С. 15]. Но в забайкальских материалах крючки встречаются нечасто: только в погребении 3 могильника Бухусан известна

рыболовная блесна из рога с крючком из когтя медведя; в составе инвентаря одиночных погребений они отмечены в погребениях Нижняя Джилинда и в Шилкинской пещере.

В целом, инвентарный комплекс ранне-неолитических погребений Забайкалья находит аналогии с материалами синхронных погребений Байкальской Сибири. В. И. Базалийский приходит к выводу, что кальцитовые кольца, игольчатые острия, резцы тарбагана и резные скульптуры голов лосей, встречаются только в погребениях раннего неолита [1998. С. 16]. Нужно отметить, что датировка ранним неолитом раскопанных забайкальских комплексов бывает недостаточно обоснованной, а использование в качестве датирующего способа аналогии по инвентарю зачастую ошибочно.

Таким образом, представленные материалы позволяют на данном уровне исследований предполагать существование достаточно однородных в технологическом и мировоззренческом отношении археологических культур раннего неолита Байкальского региона. Исключение составляет северная группа (Бухусан и Старый Витим) с определенными вариациями в погребальном обряде (появление внутри- и надмогильных кладок) и особенностями инвентаря. Остается проблематичным датирование опубликованных погребений различными авторами. Поэтому в настоящей работе мы опирались только на датированные комплексы и аналогии с ними. Для более глубокого изучения связей между носителями исследуемых археологических культур необходимы дальнейшие археологические исследования территории Забайкалья и Северо-Восточной Монголии, получение дополнительных радиоуглеродных датировок, антропологические и палеогенетические определения, а также полное введение в научный оборот археологических материалов ранне-неолитических погребений Байкальского региона.

Список литературы

Алтухов В. В. Макрушинский могильник. Комплекс ранней бронзы // На стыке поколений. Иркутск, 2001. С. 3–15.
Базалийский В. И. К проблеме пространственной и хронологической интерпретации

погребений эпохи раннего неолита на территории Байкальской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 10–18.

Ветров В. М. Работы Иркутского педагогического университета в Муйской котловине // Археологические открытия 2001 года. М., 2002. С. 403–404.

Ветров В. М. Отчет о полевых исследованиях на археологическом памятнике Старый Витим-2 в Муйской котловине в 2001 г. Иркутск, 2001. (Хранится в лаборатории археологии ИГПУ, рукопись.)

Ветров В. М., Задонин О. В., Инешин Е. М. Многослойное местонахождение Нижняя Джилинда (Сивакон-1) в Бамбуйской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск, 1993. С. 98–113.

Волков В. В. Погребение в Норовлин уула (Монголия) // Археология Северной и Центральной Азии. М., 1975. С. 76–79.

Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск, 1989. 152 с.

Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 23–48.

Горбунова Н. Г., Пшеницына М. Н. Поселение и могильник в бухте Шидэ // Древности Байкала. Иркутск, 1992. С. 65–69.

Горюнова О. И. Древние могильники Прибайкалья. Иркутск, 2002. 84 с.

Горюнова О. И. К вопросу о сидячих погребениях в Прибайкалье // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1975. Вып. 3. С. 171–175.

Горюнова О. И. Серовские погребения Приольхонья. Новосибирск, 1997. 112 с.

Горюнова О. И., Новиков А. Г., Зяблин Л. П., Смотров В. И. Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл). Новосибирск, 2004. 88 с.

Горюнова О. И., Смотров В. И. Погребальные комплексы могильника Шумилиха (анализ материалов и датировка памятника) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. Иркутск, 1981. С. 17–28.

Горюнова О. И., Хлобыстин Л. П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск, 1992. С. 41–56.

Дятчина Н. Г. Хозяйственно-бытовые комплексы эпохи неолита – ранней бронзы

Юго-Восточного Забайкалья // Культурно-исторические формы поведения человека. Чита, 2003. С. 90–98.

Жамбалтарова Е. Д. Фофановский могильник: перспективы исследований // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1. С. 212–215.

Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск, 1979. 157 с.

Кириллов И. И., Верхотуров О. Г. Новые неолитические могильники из Восточного Забайкалья и их значение в определении этнокультурных связей местных племен // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985. 173 с.

Кириллов И. И., Рижский М. И. Очерки древней истории Забайкалья. Чита, 1973. 137 с.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю., Кадиков Б. Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул, 2000. 117 с.

Комарова М. Н., Шер Я. А. Могильники бухты Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск, 1992. С. 32–41.

Конев В. П. Фофановский могильник. Новый этап исследования // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996. С. 114–116.

Конопацкий А. К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). Новосибирск, 1982. 176 с.

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита, 1994. 179 с.

Константинов М. В., Константинов А. В., Васильев С. Г., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И. Под покровительством Большого Шамана: археологическое путешествие по Забайкалью. Чита, 2003. 29 с.

Кунгурова Н. Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул, 2005. 128 с.

Лбова Л. В., Жамбалтарова Е. Д. Архетипы в первобытной культуре (дихотомия сознания в материалах раннего неолита Забайкалья) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 2004. Вып. 3: Парадоксы археологии. С. 200–210.

Лбова Л. В., Жамбалтарова Е. Д., Конев В. П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск, 2008. 248 с.

Лбова Л. В., Хамзина Е. А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. Улан-Удэ, 1999. 241 с.

Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Опыт датирования по С¹⁴ погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. 1989. № 1. С. 19–33.

Молодин В. И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных компонентов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999. С. 36–57.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на р. Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Новосибирск, 2001. Т. 1. 128 с.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. М.; Л., 1950. № 18. Ч. 1, 2. 412 с.

Окладников А. П. Неолитические памятники Ангара (от Щукино до Бурети). Новосибирск, 1974. 319 с.

Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск, 1980. 176 с.

Окладников А. П., Ларичев В. Е. Археологические исследования в Монголии в 1967 году // Изв. СО АН СССР. Новосибирск, 1968. Вып. 3, № 11. С. 104–115.

Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А., Балуева Т. С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск, 1989. 104 с.

Савельев Н. А., Михнюк Г. Н., Лежненко И. Л., Горюнова О. И., Петрова Н. А., Панковская Г. И. Могильник в местности Шумилиха (Описание исследованных погребений) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. Иркутск, 1981. С. 7–17.

Туркин Г. В., Харинский А. В. Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита – бронзового века на Южном Байкале // Изв. лаборатории древних технологий. Иркутск, 2004. Вып. 2. С. 124–159.

Хамзина Е. А. Ранние погребения в Онкулях (долина р. Баргузин) // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1974. Вып. 6. С. 234–243.

Хлобыстина М. Д. «Сидячие» погребения культур Северной Евразии эпохи неолита и бронзы // КСИА. 1991. № 203. С. 32–38.

Черепанов В. В., Остроумов В. М. Археологический памятник в Мельничной падьи // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири. Улан-Удэ, 1986. Ч. 2. С. 83–86.

Bazaliysky V. I. The Prehistoric Graves of Siberia // *Written in Bones*. London, 2003. P. 140–143. (на англ. яз.)

Bazaliysky V. I., Saveljev N. A. The Wolf of Baikal: the «Lokomotiv». Early Neolithic Cemetery in Siberia (Russia) // *Antiquity*. 2003. Vol. 77. № 295. P. 20–30.

Материал поступил в редколлегию 15.06.2008

L.V. Lbova, E. D. Jambaltarova

THE CHARACTERISTIC ATTRIBUTES OF THE GRAVES OF EARLY NEOLITH OF TRANSBAIKALIA

The generalization of the separated data saved up to the present moment and data on funeral complexes of Transbaikalia and Northeast Mongolia, their formalized analysis and presence of series of radiocarbon dating (8000–6000 RCYBR) of burial grounds and separate burials define offered correlation constructions. To the characteristic attributes of the graves of an Early Neolith of Transbaikalia the collective graves, including the antithesis graves, the graves of the skeletons without the skulls are carried. The instability of orientation of skeletons (by a head on the North, the East, the Southeast, the Northeast) is marked. The any constructions above and inside of the graves are absent. It is obligatory the presence of ochre. The analysis of the funeral complexes of this single-crop territory allows drawing the conclusion that Neolithic traditions of the funeral rite are steady and continuing the existence during later time.

Keywords: Transbaikalia, Baikal region, Early Neolith, funeral ritual act, artifact's complex, radiocarbon dating.